Джесси ЭНДРЮС

Джесси ЭНДРЮС

ХЕЙТЕРЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Э64

Jesse Andrews
THE HATERS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского *Юлии Змеевой*
Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Эндрюс, Джесси.

Э64 Хейтеры / Джесси Эндрюс ; [пер. с англ. Ю. Змеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-098722-1

Когда Уэс и его лучший друг Кори оказываются в джазовом лагере, они быстро разочаровываются — музыканты скучные и играют только по указке. В один из дней друзья случайно устраивают джем-сейшн с Эш, чья виртуозная игра на гитаре поражает Уэса и Кори. Все трое понимают, что они — идеальная команда, которая может стать чем-то большим. Эш решает, что, вместо того чтобы торчать все лето в лагере, они могут отправиться на ее машине в сумасшедшее музыкальное турне по всей Америке…

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-098722-1

Text copyright © 2016 Jesse Andrews
© Ю. Змеева, перевод на русский язык, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Посвящается: Кори, Мэтту и Виктору; Сэму, Раину, Леннгу, Джорджу, Янг и снова Виктору; Сэму и Дилану; Джареду; Скэму, Джейку, Алеку, Эрику, Дэнни, Ари, Ларджу, Алексу, Бретту, Бену, Малайке и Спенсеру; еще раз Бену и Мэтту; еще раз Алеку и Бретту; Алану, Мэтту (опять) и Питу; Тому, Джилли и Джиджи; Джоэлу, Джеку и Джону; снова Мэтту, Майку и Дэйву; и опять Мэтту, Мике, Робу, Джо, Джеффу, Хизер и Седжи; снова Мике, Дэйву, Нине и Джошу; и опять Мике и Дэйву. И всем ребятам, с которыми мне довелось играть в группе.

ОБ АВТОРЕ

Дебютный роман Джесси Эндрюса «Я, Эрл и умирающая девушка» стал бестселлером *The New York Times* и *USA Today* и получил признание критиков и блистательные отзывы. Фильм по книге удостоен главного приза жюри и приза зрительских симпатий на кинофестивале в Санденсе в 2015 году. Джесси Эндрюс — писатель, музыкант и сценарист. Живет в Бостоне, штат Массачусетс. Подробнее об авторе на сайте www.jesseandrews.com.

БЛАГОДАРНОСТИ

Во-первых, эти благодарности не способны адекватно выразить степень признательности тем, кто мне помогал.

Во-вторых, спасибо моему блестящему и преданному редактору Мэгги, благодаря которой я начал писать юношескую литературу. А еще, если бы не Мэгги, то Эш, Кори и Уэс сбежали бы из джазового лагеря не раньше, ну не знаю, 250-й страницы.

В-третьих, моему не менее блестящему, преданному и терпеливому агенту Клодии из агентства *WME*, мастеру своего дела, принцессе-воину, лучшему читателю и другу, с которой так приятно пропустить стаканчик. А также Лоре, Анне и Саре.

В-четвертых, Сьюзан, Лейли, Майклу, Чэду, Джеффу и остальным героически помогавшим мне членам команды *Abrams*, благодаря которым эту книгу вообще можно читать, а также приятно держать в руках и разглядывать. Спасибо за то, что терпели меня в офисе, пока я стучал по клавиатуре, сняв носки и ботинки.

В-пятых, Анджеле Абадилья, Келвину Стэмли и несравненному Дуэйну Долфину, музыкантам и учи-

телям, которые сформировали меня как музыканта, но главное — как человека, что хорошо, ведь музыканта из меня в итоге так и не получилось.

В-шестых, маме, папе, Лене, Ив и бабушке — семье, из-за которой я и пишу о семьях.

И наконец, Тамаре, моему первому читателю и последней любви.

Глава 1

МЫ НЕ ДУМАЛИ, ЧТО В ДЖАЗОВОМ ЛАГЕРЕ БУДЕТ СТОЛЬКО ЧУВАКОВ

В джазовом лагере было полно чуваков. Вообще говоря, их там оказалось чересчур много.

Мы с Кори стояли в актовом зале Шиппенсбергского университета, куда нас созвали на ознакомительное собрание. Тут толпилась целая куча чуваков. Они пыжились изо всех сил, пытаясь казаться крутыми и невозмутимыми. Везде, куда ни глянь, стоял чувак и усиленно делал дружелюбное и располагающее лицо. И каждые десять секунд мы слышали, как в разных углах зала какие-то чуваки шутили, потому что другие чуваки в тех углах каждые десять секунд вдруг взрывались громким ненатуральным хохотом.

Они очень старались смеяться естественно, но выходил безумный, натянутый, маниакальный смех, как у людей, намеренно пытающихся перехохотать друг друга.

Мы с Кори отыскали места в сторонке и сели, очень надеясь, что никто из этих чуваков не подсядет к нам и нас не поглотит ни одна компания. Увы, случилось неизбежное: к нам подошел какой-то чувак. Он был белым. В джазовом лагере вообще преобладали белые

парни. Чувак прижимал в груди футляр для тенор-саксофона с золотой гравировкой, а на голову нахлобучил фетровую шляпу с двумя орлиными перьями разных цветов.

Кори барабанил партию и совершенно ушел в себя, так что чувак обратился ко мне.

— Чуваки, не возражаете, если мы сыграем трио? — спросил он, и я не слишком удивился, услышав, что парень с такой наружностью замурлыкал вкрадчивым голосом джазмена.

Он пытался спокойно и радушно улыбаться, но в глазах было отчаяние утопающего, и я понял, что нам придется принять его в свою компанию. Хотя бы ненадолго.

— Конечно, чувак, — ответил я. — Я — Уэс.

— Адам, — представился чувак и попытался пожать мне руку каким-то хитрым многоступенчатым рукопожатием. Слишком долгим, на мой взгляд. — Прости… как ты сказал, тебя зовут?

Парень оказался не готов к тому, что меня зовут Уэс, и это тоже совсем не удивило, учитывая, как внимательно он оглядел мое лицо и цвет кожи.

— Уэс, — повторил я. — Как Уэс Монтгомери[1].

— Уэсс, — проговорил он, произнеся мое имя на мексиканский манер. — Очень круто, очень. И из каких ты краев, Уэс?

— Мы с Кори оба из Питтсбурга, — ответил я, надеясь, что, услышав свое имя, Кори встрепенется и придет на подмогу.

---

[1] *Монтгомери, Уэс* — американский джазовый гитарист. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

Кори уставился на парня, не переставая барабанить партию. Такого понятия, как «умение вежливо вести беседу», для Кори просто не существовало, и, по идее, это должно было усложнять ему жизнь. Но нет. На деле выходило наоборот.

— Питтсбург, — наконец произнес Адам. — Первоклассный джазовый городишко. А я вот простой трубач из Джерси. Мое орудие — тенор.

— Круто, — сказал я. — У меня бас. А Кори у нас, как видишь, фаготист мирового класса.

И тут уже наш угол взорвался неестественным хохотом на весь зал. Адам откинул голову и зашелся:

— АХАХАХАХАХАХ! ФАГОТИСТ? Ох, чувак. Уэс, да ты приколист, — на нас стали оглядываться. Я попытался сделать приличную мину, означающую «кажется, я только что удачно пошутил», но при этом не выглядеть так, чтобы окружающим захотелось тут же заехать мне в рожу. Оказалось, сделать такую мину невозможно.

— Не, серьезно, давайте как-нибудь вместе поджемим, — разошелся Адам, но, к счастью, в этот момент на сцену вышел Билл Гарабедян с группой, и все заликовали, причем каждый пытался ликовать оригинальнее других, выделяясь из общей массы.

Билл Гарабедян — знаменитый джазовый гитарист, и, собственно, сейчас мы находились в его лагере. Это был тощий белый чувак с бритой головой и хитро подстриженной бородкой — в виде пятачка под нижней губой и эспаньолки. Мы сразу поняли, что приветственную речь он заранее не подготовил. Он, как и Адам, говорил вкрадчивым тоном джазмена, только более низким, и вот как выглядели основные положения его речи:

— Меня зовут Билл.

— Спасибо, спасибо.

— Ха-ха!

— Не, ребят, успокойтесь, серьезно…

— Спасибо, ага.

— Добро пожаловать в наш ежегодный джазовый лагерь. Уже пятый год.

— Ха, ха, серьезно? А я думал, пятый…

— Что вообще говорят в таких случаях? Чуваки, никто не хочет подняться сюда и выступить вместо меня?

— Я серьезно.

— Ха-ха. Ну да ладно.

— Блин, я слишком стар для всего этого…

— А вы, ребята, с каждым годом все моложе и моложе, ага.

— Ха-ха, да не, серьезно, точно говорю…

— Вот стою здесь, на сцене, и смотрю на ваши молодые лица…

— … и вспоминаю, каким был в вашем возрасте. Тогда меня только одно интересовало: я хотел знать, что будет с джазом.

— Каково будущее джаза, сечете, о чем я? Будущее… джаза.

— А в семнадцать меня уже номинировали на «Грэмми»…

— И тогда я понял: вот оно, будущее джаза! Оно наступило.

— Потому что вы сами не заметите, как будущее наступит…

— Подумайте об этом. Будущее подкрадывается незаметно!

— И вы сами не заметите, как постареете…

— … вы состаритесь, покроетесь морщинами и перестанете нравиться девчонкам! Ахахаха!

— А ты чего смеешься, Дон?

— Ты и сейчас им не особо нравишься, чувак.

— Короче, на чем я остановился?

— Серьезно, чуваки…

— Расс, подскажи, что я там говорил? Не помнишь?

— А разве я этого уже не сказал?

— Хм. Может, это был не ты вообще.

— Короче, ладно…

— Ага, вспомнил. Короче. Слушайте. Эти две недели мы посвятим исследованию вашей индивидуальности как музыкантов.

— Мы реально хотим, чуваки, чтобы вы собрали свои группы, но поджемили и с другими и вышли за пределы своих возможностей, сечете, о чем я?

— И поэтому мы сделали вот что…

— В этом году мы взяли в два раза больше ребят из ритм-секции…

— В два раза больше барабанщиков, басистов, пианистов, гитаристов…

— Поэтому у вас, духовиков, будет вдвое больше шансов поджемить!

— А-ха-ха-ха, не говори…

— Всегда пожалуйста, духовики…

— И ритм-секция, не волнуйтесь, вы тоже сможете поджемить сколько угодно.

— Через минуту устроим пробы и поделим вас по уровням…

— Но сначала нам с другими учителями надо немного размяться…

— Поприветствуйте нашу команду!

С этими словами Билл и учителя сыграли ударный хард-боп с нереальным рваным ритмом.

Целью этого выступления было продемонстрировать, что все они — джазовые гении, которые кого угодно закатают в бетон, и им это удалось. Вся песня, по сути, представляла собой последовательность нот, которые не складывались ни в какую мелодию. Сыграть такую песню невероятно сложно, и если у тебя это получилось, значит, ты перешел на высший уровень и имеешь право называться реальным джазменом.

Наш новый приятель Адам вдохновился так, что чуть не испытал оргазм. Примерно каждые пятнадцать секунд — без шуток — он выдавал что-то вроде: «Блин! Да эти ребята умеют играть!» или «Во Билл отжег!» Еще он пытался восторженно материться, но ему самому при этом, видимо, становилось неловко. Только это и умеряло его пыл.

А вот мы с Кори не особо вдохновились. То есть, конечно, мы тоже оценили офигенную игру этих крутейших джазменов. Но в душу закрались сомнения: а что мы, собственно, будем делать в этом лагере? Видите ли, мы нормально играли на наших инструментах. Нормально, но не круто. А летние интенсивы Билла Гарабедяна, «Джазовые гиганты будущего», славились тем, что в них участвовали только первоклассные молодые джазмены. Если честно, зимой, подавая заявку, мы не надеялись, что нас возьмут. Мы вообще записались, потому что заставил учитель музыки. А когда узнали, что приняты, это вызвало скорее растерянность, чем восторг.

Однако теперь все встало на свои места. Оказывается, мы с Кори попали в число тех барабанщиков и басистов, которые понадобились им для увеличения